УДК 391.7

ББК 63.3

DOI 10.31554/2222-9175-2018-32-68-77

Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова

КОРАЛЛ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ: ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ
В КУЛЬТУРЕ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Украшения занимали особое место в жизни кочевников Центральной Азии, среди них наиболее распространенными были украшения с кораллами. Лексические обозначения коралла в монгольских языках – *шурэ* и *маржаны* позволяют очертить ряд предполагаемых торговых маршрутов, по которым этот товар доставлялся в Монголию и Южную Сибирь из стран Средиземноморья и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: коралл, украшения, стоимость, имитация, монгольские народы, торговые пути, ювелирное искусство.

B. Z. Nanzatov, M. M. Sodnompilova

CORAL ON THE SILK ROAD: OBJECTS OF LUXURY
IN THE CULTURE OF NOMADS OF INNER ASIA

Decorations held a specific place in the life of nomads of Central Asia. Among them, the most popular were adornments with coral. Lexical terms to determine “coral” in the Mongolian languages – *shure* and *marzhany* help to outline probable trade routes, used for delivering this commodity from the countries of the Mediterranean and Southeast Asia to Mongolia and South Siberia.

Keywords: coral, adornments, cost, imitation, Mongolian peoples, trade routes, jewelry.

Украшения занимали особое место в жизни кочевников Центральной Азии. Основное богатство кочевника – 5 видов скота – было эфемерным в силу множества факторов, влиявших на количество скота. В любой момент богат мог стать нищим, о чем свидетельствуют известные поговорки монгольских народов: «Богатство скотовода, что утренняя роса», «Богач – до первого бурана, богатырь – до первой пули». Поэтому при возможности кочевники старались покупать те предметы роскоши, которые мог-

ли продемонстрировать статус владельца и в то же время не быть помехой кочевому образу жизни. Особенности кочевого образа жизни предопределяли особенность локализации предметов роскоши в быту кочевника – это вооружение, дорогой скакун и конское снаряжение для мужчин и украшения для женщин.

В традиции ювелиров монгольского мира широко использовались полудрагоценные камни, которыми инкрустировались ювелирные изделия. Среди ювелирных камней в повседневных украшениях

НАНЗАТОВ Баир Зориктеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: nanzatov@jandex.ru.

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: sodnompilova@jandex.ru.

женщин монгольского мира XIX – начала XX в. наиболее часто встречаются красный и розовый коралл, бирюза, янтарь, малахит. В более дорогих парадных украшениях знати встречаются лазурит, сердолик, гранат, берилл.

Самым излюбленным камнем бурятских и монгольских мастеров был красный и розовый коралл. Белый коралл преимущественно шел на изготовление пуговиц. В украшениях бурят кораллов было так много, что нередко их украшения называли маржанными, наравне с серебранными.

Широкий ареал распространения коралла в украшениях кочевников Великой степи и вместе с тем ограниченное число мест его добычи позволяют говорить о существовании тесных экономических и этнокультурных связей народов, при участии которых этот ценный товар попадал в самые отдаленные уголки Внутренней Азии. Коралл с древности был одним из известных предметов торговли, входил в число предметов роскоши, следующих по Шелковому пути, соединяющему Рим и Китай [Wood 2002: 47], и достигал империи хунну. Коралл нередко встречался в украшениях хуннской знати. Северной периферией распространения коралла, очевидно, было Прибайкалье. Свидетельством этого может служить полное отсутствие кораллов в украшениях эвенков и северных тюрков – якутов.

В монгольском мире повсеместно коралловые бусины называли *шүрэ*. Термин «шүрэ» в бурятской лексике стал нарицательным. Им стали называть широкий круг вещей, представляющих собой низшие предметы – ожерелье, косточки на счетах. *Монсогор шүрэ* – так называли материал для изготовления ожерелий – корольки. Шүрэ хубад, шүрэ хубхан (собр.) – «драгоценности» [Буряад-ород толи: 628]. Было известно также и другое название коралла и коралловых украшений – *маржан*, преимущественно распространенное у предбайкальских бурят.

Бытование в лексике монгольских народов этих двух терминов вызывает

особый интерес, поскольку является, вероятно, свидетельством наличия разных каналов доставки этого камня на рынки Центральной Азии и Сибири.

Обратимся к первому обозначению коралла в монгольских языках – *шүрэ*. Происхождение термина, по мнению Л. Лигети, восходит к монгольскому письменному *širu* < *bširu*, происходящему от тибетского *byi-ru/byu-ru* [Ligeti 1935: 267], что подтверждают современные словари [Краткий тибетско-русский словарь 1963: 345]. Примечательно, что за кораллом, который в Монголию завозился из Китая, закрепилось не китайское название *shānhù* [I], а тибетское *byi-ru/byu-ru* (чуру). Полагаем, что тибетское название стало известно еще до эпохи монгольских завоеваний, когда торгово-экономические связи в азиатском пространстве были довольно интенсивными. В Центральную Азию и Китай вело несколько торговых маршрутов из Индии и Передней Азии, среди которых были Шелковый путь, Уйгурский путь, Кыргызский путь и др. [Лубо-Лесниченко 1994: 256–268]. Коралл тогда, возможно, привозился в Тибет на продажу и с берегов Юго-Восточной Азии (Сиам, Бирма) и из Средиземноморья. Возможно также, что закрепление тибетского названия коралла в монгольской лексике обусловлено его высокой значимостью в тибетской медицине [II].

Другое название коралла – *маржан* – в бурятский язык пришло из арабского через тюркские языки. С арабского языка *مارج* (*marjan*) переводится как коралл. В свою очередь, арабское *маржан* происходит от греческого *margaron* – «коралл» [Арабско-английский словарь]. Арабское название коралла стало наиболее известным: оно широко распространилось в Передней и Центральной Азии, России. В этом значении *маржан* известен в тюркских и иранских языках, из которых в дальнейшем слово попало в монгольские языки наряду с *шүрэ*. Из тюрко-монгольских языков слово *маржан/марьян* попало в лексику русских сибиряков.

В искусстве народов, проживающих на территории стран бывшей Средней Азии, коралл маржон использовали для вставок в украшения узбеки, туркмены, казахи, киргизы. В Самарканде в конце XIX в. большое распространение получили ожерелья из низок кораллов, а продолговатые кораллы, имеющие отверстия в боковых частях для вдевания нитки и нанизывавшиеся поперек, назывались каламуф-марджон (перец-кораллы) [Сухарева 1982: 205]. Широкая известность арабского названия коралла в пространстве Передней Азии, западной части Центральной Азии обусловлена тем, что основным местом промысла красного коралла с древности были Средиземное и Красное моря, где роговые кораллы росли в изобилии. Использование в ювелирном искусстве предбайкальских бурят красных кораллов, бытование их арабского названия свидетельствует, что такой товар поставлялся в Восточную Сибирь из Передней Азии и даже Европы.

В XVII–XVIII вв. буряты вели торговлю с Китаем, Монголией и даже далеким Туркестаном. Устоявшиеся торговые отношения населения Байкальского региона и Туркестана ко времени появления русских фиксируются в документах служивых людей – отписках, челобитных. Через монголов и тувинцев буряты сбывали в Китай и Среднюю Азию меха, скот, получая оттуда взамен серебро, драгоценности, ткани, металлические изделия [История Бурят-Монгольской АССР 1954: 63–64]. Хотя посреднические функции монгольских феодалов были очень значимы в торговых отношениях бурят с другими народами, сами буряты в лице знати также принимали участие в торговых операциях. Об этом свидетельствуют и русские документы [Там же: 63–64].

Бухарские купцы (торговцы-мусульмане) привозили в Монголию и Прибайкалье в числе предметов роскоши и кораллы. Кораллы на продажу/обмен привозили в виде готовых изделий – бус. Такие сведения содержатся в челобитной

– описи имущества, утраченного бухарцами около Тункинского острога в результате ограбления. Среди украденных предметов фигурирует *ниге ширу ереке* – одна нить коралловых четок [Сборник документов по истории Бурятии 1960: 357].

С освоением русскими Сибири кораллы стали привозить в Сибирь и русские купцы. Полагаем, что в подарок монгольским ханам при установлении первых контактов русские отправили в числе ценных подарков и кораллы – «красные корольки». В наказной памяти от 1673 г. енисейского воеводы М. В. Приклонского енисейскому сыну боярскому Ивану Перфильеву, отправляемому с посольством к мунгальскому хану Очирою, пишется следующее: «...хану Очирою (очиру) были посланы в качестве даров десять аршин сукна вишневого кармазину, две камки отласы, двесте корольков красных, шесть юфтей кож телятинных; брату ево Батуру тайше: пять аршин сукна кармазину, двесте корольков...» [Там же: 245].

Местные купцы в XIX в., по сведениям Л. Линховойна, ездили за камнем и в Китай, и Европу: «Камни приобретались у торговцев-бурят. Где доставали торговцы эти камни, сказать трудно. Одно мне известно, что был один купец Базаров, который ездил за шурэ (маржаны) в Италию, а другой – в Хухунор» [2012: 207]. Коренное население Южной Сибири также приобретало коралл, следующий по торговым маршрутам из Передней Азии. В. Я. Бутанаев пишет по этому поводу: «Кораллы покупались хакасами у татар, которые привозили их из Средней Азии» [1996: 98].

По стоимости кораллы, главным образом небольшие, были доступны многим семьям со средним достатком: коралл в начале XIX в. по стоимости был дешевле, чем бирюза и малахит. Известно, что дешевле коралла был янтарь красного и желтого цвета [III] – изделия из него после революции 1917 г. были самыми распространенными [Галданова 1992: 118]. Однако крупные бусины из коралла, ко-

торые были основным украшением серег и браслетов богатых женщин, головных уборов даруулга, татуурга женщин хори-бурят, цонголов, сартулов, хонгодоров и других групп бурят Забайкалья, стоили очень дорого. Даруулга и татуурга представляют собой корону, изготовленную из бересты, обшитую темным бархатом или парчой. Сверху нашивались в 3 ряда большие круглые и бочковидные бусины янтаря, коралла, лазурита. Центр головного убора украшался самой большой бусиной из красного или белого коралла, или янтаря. Г. Р. Галданова, описывая украшения закаменских бурят, отмечает, что из крупных кораллов, прикрепляемых на головной убор в количестве 40–50 штук, выделялись два-три коралла особо больших размеров, диаметр которых достигал 10 см [1992: 127].

Согласно многочисленным сведениям стариков-информаторов, одна крупная бусина коралла оценивалась стоимостью лошади или коровы. Например, П. Е. Островских отмечает: «Серьги свахи, как и богатой женщины, состоят из больших и круглых моржанов», а большая коралловая бусина, сходная по размеру с крупной вишней, оценивалась в 30 руб. [1985: 318]. Примерно в такую же сумму тогда оценивалась лошадь или корова. Такие цены на скот сохранялись и в начале XX в. Проводивший исследования юго-западного Забайкалья с 1895 по 1902 г. Г. М. Осокин пишет следующее: «Средняя цена местной рабочей лошади 20–30 рублей; коров же смотря по качеству – от 15 до 40 рублей» [1906: 77]. Тогда же головные коралловые украшения женщин-буряток стоили от 50 до 800 руб. Аналогичные сведения по стоимости кораллов в Южной Сибири предоставляет В. Я. Бутанаев, отмечая, что хакасы отдавали за большую бусину вола или лошадь [1996: 98].

Небольшие коралловые бусины использовались в инкрустации серебряных нагосников *шибэрээл/шиверлиг*, *хонтуул*, *боолто* и зажимов, височных украшений *даруулгын һиихэ*, наплечных украшений

мурэнэй гуу, *ээмэг*, нагрудных украшений – *гуу*, *серег һиихэ/суйхэ* и браслетов *угаабар*, *бугааг*, перстней и колец *гари-ха*, *бэһэлиг*, головных уборов *даруулга*, *татуурга*. Особую ценность представляли коралловые и янтарные ожерелья. У женщин из зажиточных семей бурятской знати («лучших людей») число коралловых рядов в ожерелье достигало десяти, общая стоимость некоторых украшений доходила до 500 и 1000 руб. [Ядринцев 1891: 267].

Коралл был практически единственным ювелирным камнем, используемым в украшениях предбайкальских бурят. Но украшения буряток Предбайкалья были в целом более скромными и дешевыми, по сравнению с украшениями забайкальских бурят и монголов [IV]. Коралловые бусины маржаны в ожерельях и в группе височных украшений *хабига* – подвесках длиной 20–50 см были мелкими. Крупные дорогие кораллы не были характерной чертой украшений западных буряток. Очевидно, формирование особого художественного стиля женских украшений западных бурят было в определенной степени обусловлено спецификой хозяйства бурят Иркутской губернии, в котором ведущая роль принадлежала земледелию, а не скотоводству.

В конце XIX – начале XX в. в центральной части Российской империи наблюдается закат ювелирного искусства с появлением множества ювелирных центров, которые изготавливали украшения не на заказ, а на продажу [Суслова, Мухамедова 2000: 195]. На рынках появляется множество подделок, форма украшений также становится проще, поскольку уже не соответствует меняющейся фабричной одежде. Но на периферии империи, в частности у бурят, замена традиционной одежды на фабричную проходила неспешно. В основном менялась одежда у мужчин, женщины были более консервативны. Но если женская традиционная одежда сохраняла свои позиции, то от ношения массивных украшений многие женщины стали отказываться. Прене-

брежение бурятских женщин обычаями предков вызывало негативную реакцию буддийской церкви. Ширетуй Агинского дацана Доржи Данжинов считал необходимым поднять эту проблему в своих дидактических сочинениях. Он винил женщин в уже наступивших и грядущих бедах для всего бурятского народа. Нарушение старых степных обычаев во время замужества, по мысли автора, служит приметой того, что будущая жизнь молодых будет несчастливой, бедной и полна мучений, а соблюдение традиции ношения старинных украшений принесет благополучие, счастье и радость. Девушка, вышедшая замуж, обязана носить украшения до 50 лет, а также надевать их всегда перед высокими гостями и нойонами.

Однако социальная неоднородность и имущественное расслоение бурятского общества ставили в неравные условия женщин богатых семей и бедных, которые не могли позволить себе иметь весь комплект украшений. Бедняки были в состоянии приобрести однорядное ожерелье. Отсутствие у них возможности иметь дорогие одежды и украшения дополнялось и запретами на их приобретение и ношение, сформулированными в «Новом постановлении о жизни и обычаях» в середине XIX в. [Бадмаева 1987: 98]. Нарушение этих запретов влекло за собой наказание. Несмотря на это, даже самая бедная бурятка стремилась при любой возможности к приобретению серебряных и коралловых украшений. Эти сокровенные желания простых бурятских женщин отметил в свое время Г. М. Осокин, путешествуя по Забайкалью: «Прекрасная половина бурятского населения также кокетством, конечно, не отличается и если на что тратится, иногда из последних средств, то на свои коралловые и серебряные украшения, до которых они очень большие любительницы. Насколько велико желание приобрести себе такое украшение, видно из того, что некоторые бурятки годами собирают и копят положительно по копейкам деньги, достаточные для того, чтобы сделать или

купить готовое коралловое или серебряное украшение» [1906: 199].

Аналогичные сведения о стремлении бедняков к внешнему лоску отражены в записке тайши Баргузинской степной думы Сахара Хамнаева об образе жизни и хозяйстве баргузинских бурят, представленной генерал-губернатору Восточной Сибири в 1855 г. Тайша сетует на усилившуюся роскошь и щегольство среди бедных бурят, что мешает «радению к умножению» хлебопашества: «Иноходец, несмотря на свой бедный класс состояния, старается более об улучшении своего щегольства или наряда себе и своей жене, а не о разведении хозяйства или хлебопашества. Он с наступлением лета заботится, как бы уделить из своих 10 или 20 штук скота, в котором может быть и заключается все его состояние, одну или две коровы и продать оных купцам, что же он берет, тонкое сукно, плис или ващанку на шубу, ситцу на рубаху, дабы, платки, панки, шелку, кушаки, кунгурские сапоги и моржан для жены, продавши эти свои животные за недостатком денег, поэтому добавляет из вырученных им годовых своих приобретений, как то от масла, проданной шерсти, промыслов звериных и проч.» [История Баргузинской... 2012: 68].

Пытаясь решить проблему следования традициям и обычаям бурятского народа с одной стороны, и обнищания основной массы бурят, ширетуй Агинского дацана Д. Данжинов, обращаясь к молодежи, призывал к скромности в украшениях и одежде, «без претензий на большее, чего не надлежит иметь человеку по его социальному положению». Он писал, что «недостойно завидовать дорогим украшениям тех, кто богаче», ибо они заслужили свое богатство, делая щедрые подношения храмам и духовенству [Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века 1983: 112–113].

Желая скрыть внешнее различие между богатыми и бедными, Д. Данжинов находит выход в отказе от дорогих и крупных украшений и выступает за

архаизацию и стилизацию женских украшений. Тем самым он стремится формально уравнивать женщин в украшениях, чтобы бедные кочевники не указывали пальцами на золотые украшения богатых невест в такое тяжелое для господствующих классов время. Д. Данжинов наставляет сделать традицией недорогие и среднего размера украшения, которые легко можно было бы изготавливать из мягкого стекла и мелких кораллов [Уржанов 1970: 103].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. происходит очередной этап изменения в ценностной и символической ориентации в области ювелирного искусства. Массивные и многосоставные украшения уходят в прошлое, а идея замены полудрагоценных камней искусственными материалами поддерживается и на уровне буддийской церкви. Пожелание буддийских священнослужителей отражает тот факт, что для большей части покупателей особой разницы между натуральными и искусственными минералами не было (даже для современного покупателя, вооруженного знаниями, задача отличить натуральный камень от подделки будет трудноосуществимой). Серебро также могло быть низкопробным, представляя нередко сплав металлов с преобладанием не серебра, а меди, олова. Известно, что монгольские дарханы-ювелиры усиливали цвет изделий из металла сочетанием с другими сплавами металлов, таких, как томпак, латунь, дающих богатство цветовой гаммы [Сонин]. Ценность для простого народа представляли магическая и эстетическая функции украшений.

В конце XIX – начале XX в. в России, Центральной Азии на рынке ювелирных изделий все чаще встречаются фальшивые камни. Наводняют рынок и искусственные кораллы. Вместо настоящих кораллов стали использоваться их имитации, которые изготавливались из стекла и других материалов, состав которых все еще неизвестен. Так, согласно архивным материалам по Баргузинской степ-

ной думе, маржанами называли «алые, крупные бусы из смолистого вещества, упругие, китайского изделия» [История Баргузинской... 2012: 229]. Вероятно, о тех же изделиях, которые покупали хакасы-бедняки пишет и В. Я. Бутанаев: «неимущие хакасы приобретали у торговцев дешевый искусственный коралл (хуйга), отличавшийся от настоящего мягкой структурой и ярко-красным цветом» [1996: 98]. Искусственным минералам, которые использовались в украшениях бурят, давали определение *хуурмаг*, *хуурамч* (монг. ненастоящий).

Искусственные кораллы из мягкого, упругого материала, как уже говорилось, привозили из Китая. Кроме того, поддельные кораллы – бусины из стекла могли доставляться из других регионов. Известно, что в начале XX в. фальшивые камни массово использовались в ювелирных украшениях народов Средней Азии – они были как привозными, так и местного производства. Так, например, самаркандские мастера популярную бирюзу подделывали, заменяя ее голубым стеклом: они плавил на жестяном листе цветные стекла, в частности бутылочные, и умело сочетали такие вставки с другими камнями и стеклами [Сухарева 1982: 107]. Следовательно, в Средней Азии в конце XIX – начале XX в. подделка ювелирного сырья была поставлена на широкую ногу и этот регион является одним из центров, откуда искусственные камни наряду с натуральными попадали в Сибирь и Монголию. Другим таким регионом в Российской империи был Урал, откуда могли доставляться не только драгоценные камни с уральских месторождений, но и их имитации, например имитации малахита.

Для мастеров-ювелиров покупать заготовки в виде корольков и бус было выгоднее и проще, чем обрабатывать сырье. Историко-этнографические материалы, воспоминания пожилых людей свидетельствуют, что бурятские мастера чаще работали с материалом заказчика, который предоставлял мастеру и сере-

бро в виде монет и слитков (в XIX в. в ходу были китайские ланы), и материал для инкрустации (корольки либо бусы). В Российской империи огранкой драгоценных и полудрагоценных камней ювелиры не занимались даже там, где традиция инкрустации украшений камнями была более развитой и ассортимент самоцветов был намного шире – у татар Поволжья и Урала. «Драгоценные камни в готовом ограненном виде ювелиры покупали у уральских мастеров и гнезда к ним изготовляли уже исходя из их размеров и формы» [Суслова, Мухамедова 2000: 193].

В XIX в. символическое значение украшений в кочевой культуре сохраняет свой высокий уровень, благодаря устойчивости традиционных представлений, связанных с символикой украшений, их важной функции как одного из маркеров социальной иерархии в обществе, устойчивости традиций кустарного ремесла в сфере ювелирного искусства кочевников. Притягательность украшений усиливается на фоне социального расслоения общества: ценностное значение украшений становится более важным и даже самая бедная часть населения всеми силами старается обзавестись украшениями даже вопреки развитию своего хозяйства.

Переход от кустарного производства ювелирных изделий к промышленному в конце XIX – начале XX в. привел к постепенному закату национальных видов ювелирного искусства в России.

Массивные многосоставные серебряные украшения бурят уходят в прошлое, сохраняясь, главным образом, в костюмном комплексе зажиточной части населения. Поскольку костюмный комплекс богатых людей всегда отличался качеством материала и ценностью украшений, обыкновенно в среде состоятельных людей находились знатоки, понимавшие различие между натуральными минералами и их подделкой. Богатые люди ценили и внешний вид украшений, заключавшийся в оригинальной форме, инкрустациях, узорах и декоративной отделке, выполняемой разными техниками ювелирного искусства, – чернью, филигранью, гравировкой и др.

У простого населения востребованными становятся коралловые ожерелья, небольшие серьги и перстни. Отказ от традиционных украшений вызвал негативную реакцию со стороны буддийской церкви. Буддийские иерархи, осуждая перемены в костюмном комплексе бурят, в то же время ратовали за распространение недорогих украшений, тем самым подержав распространение низкопробных фальшивых имитаций коралла и других минералов. Распространению дешевых имитаций коралла способствовало и развитие промышленного производства ювелирных изделий, ориентированного не на индивидуальный заказ, а на продажу. Большая часть имитаций коралла поступает в Монголию и Сибирь из Китая.

Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН № II.1. («Монгольский коридор в условиях евразийского взаимодействия: история и современность. Блок I. Монгольский коридор в исторической ретроспективе», № АААА-А18-118020990007-9).

Примечания

I. Коралл по-китайски 珊瑚, *shānhù* [Китайско-русский словарь 1992: 777]. Вместе с кандзи этот термин распространился в ряде стран Юго-Восточной Азии – в Корею (*sanho*), Вьетнаме, Японии (*sango*), но не утвердился в монгольском языке.

II. Коралл издавна использовали в тибетской медицине. Среди красных кораллов для медицинских целей самым лучшим считался розовый. Коралл излечивал жар печени и сосудов, жар, вызванный ядом [Дзэйцхар-мигчжан 2011: 20]. В тибетских медицинских трактатах отмечается, что в лечебной практике ценятся японские кораллы и предпочтение отдается красным кораллам из старинных украшений.

III. Вполне возможно, что некоторые янтарные изделия (желтые, оранжевые непрозрачные разновидности) также причислялись к кораллам. Так, житель Верхоленской степной думы Хадальшей Харюханов, описывая имущество своей дочери, оставшееся у ее мужа, перечисляет в его составе и «200 штук желтых маржаков» [ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 797].

IV. В традиционном ювелирном искусстве западных бурят в начале XX в. все еще сохраняют значимость металлы, обладавшие высоким семиотическим статусом, – олово, железо, которые широко использовали в качестве украшений: эти металлы выступали в качестве основы, которая сверху покрывалась серебром.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 12, оп. 1, д. 797. Дело о бежавшей от инородца 2-го Чернорудского рода Баная Кыскуева жене Хабудай. 27 апреля 1859 г. – 24 февраля 1860 г. – 19 л.

Арабско-английский словарь на букву М // Лексиконы языков мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lexicons.ru/modern/a/arabic/ar-en-m.html> (дата обращения: 05.03.2016).

Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм / Р. Д. Бадмаева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – 142 с.

Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. II: О–Я. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. – 708 с.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей / В. Я. Бутанаев. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1996. – 224 с.

Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.) / Г. Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 172 с.

Дзэйцхар-мигчжан. Монголо-тибетский источник по истории культуры и традиционной медицины XIX в. / пер., предисл., прим., глоссарий Ю. Ж. Жабон. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2011. – 220 с.

Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.) / С. Г. Жамбалова. – Новосибирск: Наука, 2000. – 400 с.

История Баргузинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.): сб. документов, перечень документов / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2012. – 351 с.

История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Изд. 2-е, испр. и доп. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1954. – 495 с.

Китайско-русский словарь. – Шанхай, Шанхайский институт иностранных языков: Изд-во Шаньу Иньшугуань [上海外 教育出版社, 上海], 1992. – 1279 с.

Краткий тибетско-русский словарь / сост. Б. В. Семичев, Ю. М. Парфионович, Б. Д. Дандарон. – М.: ГИИИИ, 1963. – 584 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев и др. – Новосибирск: Наука, 1983. – 235 с.

Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрхээ / Л. Линховоин. – Улан-Удэ: Буряад-монгол ном, 2012. – 384 с.

Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая / Е. И. Лубо-Лесниченко. – М.: Восточная литература, 1994. – 326 с.

Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья / Г. М. Осокин. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. – 304 с.

Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (отчет о поездке 1894 г.) / П. Е. Островских // Живая старина. – 1895. – Вып. 3–4. – С. 297–348.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Вып. I / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960. – 493 с.

Сонин Б. Монгольское народное искусство художественной обработки металлов [Электронный ресурс] / Б. Сонин. – Режим доступа: <http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/informations/metal-processing.shtml> (дата обращения: 05.03.2016).

Суслова С. В. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа / С. В. Суслова, Р. Г. Мухамедова. – Казань: ФЭН, 2000. – 312 с.

Суهارева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.) / О. А. Сухарева. – М.: Наука, 1982. – 140 с.

Уржанов А. Д. Дидактические трактаты Д. Ж. Данжинова о свадебном обряде бурят конца XIX в. / А. Д. Уржанов // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. V. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1970. – С. 100–104.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц / Н. М. Ядринцев. – СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

Ligeti L. Mongolos jövevenyszavaink kebdese / L. Ligeti // Nyelvtudományi közlemények. A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Bizottságának Megbízásából. – Budapest, 1935. – 267 s.

Wood. F. The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia / F. Wood. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1935. – 270 p.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 12, op. 1, d. 797. Delo o bezhavshej ot inorodca 2-go Chernorudskogo roda Banaya Kyskueva zhene Habudaj. 27 aprelya 1859 g. – 24 fevralya 1860 g. – 19 l.

Arabsko-anglijskij slovar' na bukvu M // Leksikony yazykov mira [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.lexicons.ru/modern/a/arabic/ar-en-m.html> (data obrashcheniya: 05.03.2016).

Badmaeva R. D. Buryatskij narodnyj kostyum / R. D. Badmaeva. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1987. – 142 s.

Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkij slovar'. V 2 t. T. II: O–Ya. – Ulan-Ude: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya», 2010. – 708 s.

Butanaev V. Ya. Tradicionnaya kul'tura i byt hakasov: posobie dlya uchitelej / V. Ya. Butanaev. – Abakan: Hakasskoe kn. izd-vo, 1996. – 224 s.

Galdanova G. R. Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.) / G. R. Galdanova. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 172 s.

Dzejckhar-migchzhan. Mongolo-tibetskij istochnik po istorii kul'tury i tradicionnoj mediciny XIX v. / per., predisl., prim., glossarij Yu. Zh. Zhabon. – Ulan-Ude: OAO «Respublikanskaya tipografiya», 2011. – 220 s.

Zhambalova S. G. Profannyj i sakral'nyj miry ol'honskih buryat / S. G. Zhambalova. – Novosibirsk: Nauka, 2000. – 400 s.

Istoriya Barguzinskoj stepnoj dумы v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya (1824–1903 gg.): sb. dokumentov, perechen' dokumentov / avt.-sost. B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras. – Irkutsk: Ottisk, 2012. – 351 s.

Istoriya Buryat-Mongol'skoj ASSR. T. I. Izd. 2-e, ispr. i dop. – Ulan-Ude: Buryat-Mong. kn. izd-vo, 1954. – 495 s.

Kitajsko-russkij slovar'. – Shanhaj, Shanhajskij institut inostrannyh yazykov: Izd-vo Shan'yu In'shuguan' [上海外 教育出版社, 上海], 1992. – 1279 s.

Kratkij tibetsko-russkij slovar' / sost. B. V. Semichev, Yu. M. Parfionovich, B. D. Dandaron. – M.: GIIIN, 1963. – 584 s.

Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX veka. Struktura i social'naya rol' kul'tovoj sistemy / G. R. Galdanova, K. M. Gerasimova, D. B. Dashiev i dr. – Novosibirsk: Nauka, 1983. – 235 s.

Linhovoin L. Lodon bagshyn debterhee / L. Linhovoin. – Ulan-Ude: Buryaad-mongol nom, 2012. – 384 s.

Lubo-Lesnichenko E. I. Kitaj na Shelkovom puti. Shelk i vneshnie svyazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaya / E. I. Lubo-Lesnichenko. – M.: Vostochnaya literatura, 1994. – 326 s.

Osokin G. M. Na granice Mongolii. Oчерки i materialy k etnografii Yugo-Zapadnogo Zabajkal'ya / G. M. Osokin. – SPb.: Tipografiya A. S. Suvorina, 1906. – 304 s.

Ostrovskih P. E. Etnograficheskie zametki o tyurkah Minusinskogo kraya (otchet o poezdke 1894 g.) / P. E. Ostrovskih // Zhivaya starina. – 1895. – Vyp. 3–4. – S. 297–348.

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII v. Vyp. I / sost. G. N. Rumyancev, S. B. Okun'. – Ulan-Ude, 1960. – 493 s.

Sonin B. Mongol'skoe narodnoe iskusstvo hudozhestvennoj obrabotki metallov [Elektronnyj resurs] / B. Sonin. – Rezhim dostupa: <http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/informations/metal-processing.shtml> (data obrashcheniya: 05.03.2016).

Suslova S. V. Narodnyj kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX v.). Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda / S. V. Suslova, R. G. Muhamedova. – Kazan': Fen, 2000. – 312 s.

Suhareva O. A. Istoriya sredneaziatskogo kostyuma. Samarkand (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) / O. A. Suhareva. – M.: Nauka, 1982. – 140 s.

Urzhanov A. D. Didakticheskie traktaty D. Zh. Danzhinova o svadebnom obryade buryat konca XIX v. / A. D. Urzhanov // Materialy po istorii i filologii Central'noj Azii. Vyp. V. – Ulan-Ude: Izd-vo BF SO AN SSSR, 1970. – S. 100–104.

Yadrincev N. M. Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem statisticheskikh tablic / N. M. Yadrincev. – SPb.: Izdanie I. M. Sibiryakova, 1891. – 308 s.

Ligeti L. Mongolos jövevenyszavaink kebdese / L. Ligeti // Nyelvtudományi közlemények. A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Bizottságának Megbízásából. – Budapest, 1935. – 267 s.

Wood. F. The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia / F. Wood. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1935. – 270 p.